

Dorovský, Ivan

Заклучение

In: Dorovský, Ivan. *Райко Жинзифов : воздействие русской и украинской литературы на его творчество*. Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, 1988, pp. 103-114

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/122354>

Access Date: 27. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории европейских литератур принимается тезис, что в период национального возрождения формировались или доформлялись национальные литературы как довольно стабильная система. В последнее время, однако, вновь возник вопрос о том, что представляет собой понятие „национальная литература“. Некоторые исследователи придерживаются того мнения, что национальная литература — это только та литература, которая написана на национальном языке и гражданами той же нации. По нашему мнению, однако, национальный язык и национальная принадлежность не могут быть достаточным условием, чтобы говорить о национальной литературе. С теоретической точки зрения, на наш взгляд, могут существовать (фактически они существуют) произведения, написанные на национальном языке, однако, не принадлежащие к той же национальной литературе. И наоборот, существуют произведения, написанные на другом, не на национальном языке, но принадлежащие к национальной литературе.

В мировом, европейском и конкретнее в балканском литературном процессе в течении веков мы встречаемся с рядом авторов и произведений, о которых до сих пор спорят, к какой национальной литературной истории они принадлежат. В таких случаях необходимо подчеркнуть, что не является решающим язык произведения, а текст, возникший в определенном культурно-историческом контексте и в определенных исторических условиях.

Из коммуникационной схемы автор—текст—получатель (реципиент) становится ясным, что автор свой текст адресует потенциальному читателю (коммуникату). К сообщению содержания текста коммуникату, автор, по Павлу Вашаку, ищет оптимальную внутреннюю (напр., стих, проза, композиция) или внешнюю (в форме книги, статьи в журнале и т. д.) коммуникативную форму. Следовательно, текст произведения ищет своего получателя (читателя). Из этого можно заключить, что один автор или одно произведение принадлежат к той или другой национальной литературе только или прежде всего только тогда, когда они обладают

такими свойствами, которые являются решающими для существования национальной литературы и служат критерием ее определения.

При исследовании литературно-культурного развития народов Средней и Юго-Восточной Европы в период т. наз. национального возрождения необходимо иметь в виду роль внешних идейно-культурных связей и центров, а также учитывать явления билингвизма или полилингвизма. Билингвизм, как известно, наряду с жанровым синкретизмом и с тесной связью с народно-поэтическим творчеством является одной из специфических черт балканского литературного процесса в период возрождения.

Из истории европейской (и мировой) литературы известно, что ряд деятелей в области культуры и просвещения в различные периоды (на Балканах фактически до половины XX века) писали свои произведения и выражали свои политические и художественные идеи на двух или же нескольких языках. Каждый из них решал о своей деятельности в рамках той или иной национальной среды прежде всего в зависимости от идейно-политического и культурного положения и общей атмосферы. Творчество таких и им подобных литературных и культурных деятелей не только обогащалось культурными традициями нескольких народов, но и, наоборот, они своей деятельностью и своим произведениями внесли вклад в развитие одной или же нескольких национальных литератур и культур. В советской литературной науке в таких случаях говорится об авторах так называемого „общего типа“ (напр., Григорий Цамблак), однако думаю, что словацкий термин „двойная“ и „тройная“ принадлежности более точен. Во всех таких и им подобных случаях надо иметь в виду принцип, о котором мы уже говорили — текст (произведение, автор) принадлежит к той национальной литературе, к которой принадлежит функция текста.

Райко Жинзифов писал свои стихи и прозу на наддialeктной модели. Но когда он писал свои публицистические и литературно-исторические статьи для русской печати, то он их писал на русском языке. Произведения Жинзифова (впрочем, и других членов т. наз. Московской болгарской дружины) предназначались прежде всего к пробуждению у русских интереса и участия к поработанным балканским народам. Именно поэтому Жинзифов является автором с тройной принадлежностью.

О жизни, литературной деятельности этого поэта, публициста, историка литературы, переводчика, просветителя и патриота прошлого столетия до сих пор нет, к сожалению, научной монографии.

С самого начала его творческого пути и до сих пор в оценках его поэтического творчества содержались большие противоречия, начиная с отрицательной рецензии Любена Каравелова на „Новоболгарский сборник“ Жинзифова по изданию его „Сочинений“ под редакцией З. Здравевой в 1927 году, „Избранных произведений“ под редакцией П. Динкова в 1939 (1943) году и „Одбрани творби“ под редакцией Г. Тодоровского (1981).

В то время как Л. Каравелов отрицает его поэзию и говорит о трафаретности и „нехудожественности“ его поэзии, В. Д. Стоянов о Жинзифове пишет как об одном из талантливейших молодых поэтов. „Жинзифов очень молодой и можем надеяться, что в свое время он станет известным болгарским поэтом, а именно лирическим поэтом ...“

Болгарский историк литературы В. Пенев в своей „История на новата българска литература“ пишет, что Жинзифову принадлежит в истории литературы „видно място“ только из-за того, что в его поэзии прозвучали впервые мотивы страдания народа Мекадонии. Однако Пенев совершенно неправильно осудил его творчество, говоря, что „като поет Жинзифов е незначителен“. Пенев отвергнул все положительные взгляды на Жинзифова, высказанные, напр., Н. В. Гербелем, К. Иречеком, А. Н. Пыпиным и др. Характеризуя его творчество, В. Пенев не делает никакой обстоятельной попытки определить место и роль поэзии Жинзифова в развитии болгарской (о македонской поэзии, разумеется, нельзя было Пеневу тогда еще говорить) литературы.

Велчо Велчев причисляет Р. Жинзифова к первым болгарским поэтам — Н. Герову, В. Друмеву и Д. Чинтулову. Однако верно только то, что все они русские воспитанники и что все испытали известное воздействие русской литературы и культуры. Д. Чинтулов и Н. Геров действительно являются творческими личностями, которые означают шаг вперед в развитии болгарской поэзии. Однако в первой половине 60-х годов XIX столетия Д. Чинтулов больше не печатает новых стихотворений, Г. С. Раковский после издания своего „Лесного путника“ (1857) посвящает свою жизнь общественно-политической деятельности, Л. Каравелов начинает печатать свои стихи главным образом после 1869 года. Следовательно, непосредственными современниками Р. Жинзифова остаются только два поэта — первый македонский поэт Константин Миладинов и болгарский поэт П. Р. Славейков. К. Миладинов исходит в своей поэзии первоначально из народной поэзии, как и Райко Жинзифов. Жинзифов, значит, сначала продолжает традиции своего непосредственного предшественника и также соотечественника и друга К. Миладинова и традиции творчества Г. С. Раковского.

Интересно, что В. Д. Стоянов его ставит рядом с П. Р. Славейковым не случайно, хотя Жинзифов не достигает художественного мастерства Славейкова. Жинзифов вместе с Славейковым расширяют и углубляют начатые Н. Геровым и Д. Чинтуловым традиции русской художественной литературы.

Уже первые стихотворения автора „Кровавой рубашки“ имеют ярко выраженный национально-политический характер, открывают некоторые основные мотивы и темы всей его поэзии. Темы его поэтического творчества в известной степени совпадают с темами в творчестве П. Р. Славейкова, особенно с деятельностью его первого периода. Следует подчеркнуть, что поэзия Жинзифова, как и поэзия Славейкова, отражает конкретную историческую действительность, трактует актуальные вопросы времени (разоблачение греческих фанариотов, борьба за церковную самостоятельность, патриотические идеи, общественные вопросы и т. д.).

Романтическое обращение Жинзифова к народному творчеству, к истории, совершенно естественно и понятно, ибо он пишет в то время, когда важнейшей задачей литературы было пробуждение народа, обращение его внимания на то, чтобы он осознал свою национальность, свою принадлежность к славянству, свое достоинство. Недаром и не случайно звучат в его поэзии призывы паисиевского духа и характера, недаром он в своем

„Новоболгарском сборнике“ поставил мотто из „Славяноболгарской истории“ Паисия Хилендарского.

Историческая романтика Р. Жинзифова играет очень важную роль как в его индивидуальном поэтическом и духовном развитии, так и в пробуждении национального сознания населения в Болгарии и Македонии, укрепляет его силы и национальную гордость. В образе легендарного Кралевица Марка поэт видит воплощение народной силы. Жинзифову известны народные предания, народные песни, в которых говорится, что Кралевиц Марко только заснул. Жинзифов поднимает Кралевиц Марка на продолжение его „благородного дела“.

Борясь за национальный язык и просвещение, Жинзифов не может не обратить внимание народа на „духовную столицу“ (стихотворение „Охрид“), где звучало слово Климента „на свой язык народен“.

Исторический романтизм поэта связан с весьма важной тематической группой его стихотворений — с борьбой против греческих фанариотов.

Поэтическое творчество Райко Жинзифова занимает первое место среди поэзии болгарского и македонского возрождения с антифанариотской тематикой, с тематикой, направленной против греческой „великой идеи“ (см. напр. „Гуслиар в собор“). Движение против греческого духовного рабства, против фанариотов во всей болгарской и македонской литературе нашло свое наиболее полное и наиболее сильное выражение именно в поэтическом творчестве Райко Жинзифова.

Поэт защищает славянское население главным образом его родной Македонии против панэллинистической ассимиляторской агрессии; именно Македония страдала более всех остальных областей „европейской“ Турции от греческой буржуазии. Жинзифов стремился доказать ее славянский характер. У него понятия „болгарин“, „македонец“ в известной степени совпадают с понятием „славянин“.

Порабощенные славянские народы всегда сочетали романтизм с глубоким патриотизмом и славянством. Жинзифов (как и другие славянские романтики) главным образом под воздействием поэзии Тараса Шевченко и А. С. Пушкина, будучи горячим патриотом, одновременно испытывает славянское чувство принадлежности к великой славянской семье. Так как он является „самым знаменитым представителем славянского романтизма“ в поэзии не только македонского, но и болгарского возрождения, он всегда подчеркивал необходимость славянской ориентации балканских славянских народов, их кровную связь с остальными славянскими народами, особенно с русским народом. Своим славянским воодушевлением Жинзифов является до известной степени предшественником Ивана Вазова.

Жинзифов в целом ряде стихотворений выводит образ гуслиара, народного певца-рапсода. В этом романтическом образе народного рапсода он вывел отчасти и самого себя. Сюда вошли черты образа украинского кобзаря Шевченко и „вещего Бояна“ из „Слова о полку Игореве“; и этим образом поэт стремился поднять свой порабощенный народ от векового сна рабства и невежества. Тем самым Жинзифов определил роль поэта, свою собственную роль в данных исторических условиях, на данном этапе национально-освободительного движения народа.

Судьба поэта неразрывно связана с судьбой его родного края. Его поэзия глубоко патриотична, национальна. Нельзя говорить о поэте, любящем свой народ, свой родной край, что „у него бедный внутренний мир“. Страдания народа являются его личными страданиями:

Как да забравам то, за кое болеам,
Кое поддържват мой живот?
За кое я страдам, пред кое я немеам:
Горкййт мой народ?

Большинство стихотворений Жинзифова изображает тяжелое положение народа под властью турок, дает полную литературную картину возрожденческого движения, особенно в Македонии.

В некоторых стихотворениях Жинзифов под влиянием славянофилов идеализирует свой родной край, народный быт и патриархальную жизнь. Поэт видит в народном быте, обычаях, преданиях и др. не только какие-то остатки прошлого, а также прочные основы укрепления принципа национальности. Жинзифов категорически говорит о том в единственном прозаическом произведении — в рассказе „Пропедба“.

Надо заметить, что в то время, когда Жинзифов выступает против подражаний западной моде (стихотворения „Европеизъм в Шумен“, „На другоземецът“) с целью защиты национальности, в болгарской литературе все шире становится показ неблагоприятных последствий слепого подражания Западу и показ истинного пути к великой европейской культуре. Наряду с Жинзифовым очень остро реагируют, независимо от различных художественных позиций, напр., П. Р. Славейков, Илия Блъсков, Любен Каравелов и др.

Однако нельзя не видеть и то, что эти стихотворения являются одновременно какой-то антитезой трудной и невыносимой жизни патриота-эмигранта в „чужда за мене страна“. Воспоминания в них о южной и прекрасной природе как будто бы вливают в его сердце успокоение и веру.

По Е. Георгиеву, лирический герой Жинзифова своей элегичностью и драматизмом переживаний приближается к лирическому герою Димчо Дебелянова. Разумеется, здесь может идти речь только о типологическом характере тематики этих двух поэтов.

У Жинзифова герой его поэзии не является нормой, а конкретным и типичным характером живого человека со сложным внутренним миром, человека, страдающего невыносимыми жизненными обстоятельствами, несправедливостью эпохи, несущего в себе душевные болезни времени.

Какой-то синтез поэтического творчества поэта представляет его поэма „Кровавая рубашка“ („Кървава кошуля“). Она, во-первых, является первым опытом жанра поэмы в македонской литературе и одновременно не только далее развивает жанр поэмы в болгарской литературе, а также раскрывает страдания подневольного народа, продолжая тем самым путь оригинальной болгарской повести В. Друмева, И. Блъскова, Л. Каравелова.

Мы видим достоинства поэмы, вопреки всем ее недостаткам, прежде всего в верности жизненным данным и в ясно выраженном осужении всех

злодейств турок. Это в свое время сыграло определенную положительную политическую роль и воздействовало на читателей. В ней в хорошей идиллическо-романтической обрисовке даны образы героев Божина и Грозданы. Особенно осязаемы тоны народной романтики в образе Грозданы.

Следующим достоинством поэмы является социальная дифференцированность отношения поэта не только к туркам, а также к чорбаджиям, что сближает Жинзифова с творчеством Л. Каравелова и Хр. Ботева. Поэма не лишена драматического напряжения. Ее замкнутая схема вместе с хорошо усвоенным силлабо-тоническим стихосложением (взятым у Тараса Шевченко) не только развивают данный жанр, но и укрепляют систему силлаботонизма в македонской и болгарской литературе.

До сих пор почти все историки литературы ошибочно, на наш взгляд, говорили о Жинзифове только как о поэте-просветителе, борющемся главным образом за церковную самостоятельность. обстоятельный анализ этого поэтического творчества, однако, свидетельствует о том, что поэту никогда не были чужды идеи вооруженной, революционной борьбы. Он даже сам намеревался вступить в повстанческие „четы“ в Румынии и Болгарии. В своих стихотворениях он говорит о недалеком будущем, которое наступит, о борьбе „с острым меч“.

Ярким примером положительного отношения поэта к революционной борьбе является, напр., его стихотворение „Недоняна песня“ (1864), в котором он восклицает:

Нам не помагат с съззи молитви,
Жьртви олтарни, поклони низки ...
Нам са потребли кървави битви,
Час на съдба ни мож' да е близкий!...

Жинзифов положительно относится к нарастающему национально-освободительному движению в балканских славянских странах, воодушевленно встречает появление первых повстанческих групп (чет); он осознает, что для освобождения „нет другого выхода, чем восстание ...“

В 1869 году поэт отзывается на стихотворение „Рабът“, опубликованное в жур. „Дунавска зора“, в котором неизвестный пока автор призывает народ к решительной борьбе против турецких угнетателей. Жинзифов приходит к заключению, что политическое освобождение народа возможно только „с саблей в руках“. В ответ неизвестному автору и народу Жинзифов написал боевое стихотворение „Отзив към певецът“, свидетельствующее о его понимании непосредственной, вооруженной революционной борьбы против турок.

Из стихотворения вытекает, что автор не только пламенно призывает к борьбе, а также сам готов принять в ней активное участие. По нашему мнению, стихотворение является гимном восстания и представляет апогей поэтического творчества Жинзифова. В нем поэт выразил наиболее комплексно свои взгляды на правильное и окончательное решение освобождения подневольных славянских народов на Балканах. Таким образом, мы с полным основанием можем поставить Жинзифова в ряд передовых борцов прогрессивного движения болгарского и македонского народов.

Решающее значение для развития Жинзифова как творческой личности имело знакомство с русской классической поэзией, особенно с поэтическим творчеством Пушкина, Лермонтова, Козлова, Некрасова и с творчеством украинского поэта Т. Г. Шевченко. Их поэзия открывает перед Жинзифовым новый мир, дает поэту новые возможности творческого развития и воссоздания тяжелой картины рабской действительности на его родине.

Воздействие одной литературы на формирование и развитие другой литературы или же отдельных литературных личностей надо понимать прежде всего как творческое усвоение отдельных приемов, тем, идей, метрических форм, тенденций. Литература, или же творческая личность, которая нуждается, чувствует потребность в своем развитии, испытывает воздействие, влияние, заимствует от другой литературы все то, что ей помогает в ее собственном развитии.

Райко Жинзифов приехал в Россию, не имея еще представления о богатом жанровом и формальном разнообразии русской литературы, о богатстве ее образов и идей. Он постепенно знакомится с литературой и культурой славянских народов, особенно с классической русской поэзией. Отправляясь в своей поэзии первоначально от народного поэтического творчества, он довольно систематически принимает от русских поэтов отдельные темы и приемы, Жинзифов связывает развитие своего поэтического творчества с русской литературой, так как эта связь отвечала его общественному и художественному вкусу и вкусу читателей.

Интересен подход Райко Жинзифова к творчеству Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Шевченко. Стремясь ликвидировать отставание, он избирательно, творчески и активно черпал из их творческого опыта. Особенности идейно-культурной и общественной жизни вели к своеобразию литературного процесса на Балканах, особенно в балканских славянских литературах. Процессу развития литературы эпохи возрождения способствовало переплетение различных творческих тенденций, взаимопроникновение и сосуществование разнородных идейных и эстетических явлений.

Особенности литературного развития в значительной степени определили специфику подхода и отношения Райко Жинзифова к русской прогрессивной и демократической литературе. В 40—70-х годах XIX века широкое распространение получает болгаризация — приспособление иностранных произведений к болгарской (или же общепалканской) действительности. Притом степень болгаризации произведений была различной. Болгаризации подвергалась, напр., сентиментальная проза; болгаризация сыграла важную роль также в становлении болгарской драматургии, доминирующей тенденцией которой была романтическая идеализация национального прошлого.

Приспособление переводных иностранных (немецких, французских, греческих и др.) произведений к национальной действительности, кажется, является необходимым этапом на стадии формирования национальных литератур славянских народов на Балканах.

Болгаризация наиболее ярко представлена в поэтическом творчестве И. Р. Славейкова и Р. Жинзифова. Славейков популяризовал опыт русской литературы; он вольно переложил, изложил и переработал неко-

торые стихотворения Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Плещеева, Никитина, Языкова.

В случае подхода Р. Жинзифова к творчеству русских поэтов не идет речь о вольном переложении, ни о пересказе (как говорит Селищев), ни о подражании или переводе-подражании (как эот делает, напр., Славейков). Жинзифов подходит к поэзии русских мастеров слова действительно не пассивно, а активно, творчески. Он не пересказывает, редко переносит действие их произведений в Македоию или Болгарию, не подражает им в собственном смысле этого слова. Он у них учится. Русская литература, русская поэзия, является для него великой идейной и художественной школой. Она помогает ему раскрыть широкий поэтический мир, развернуть свою творческую энергию и дает ему возможность проявить свое яркое индивидуальное своеобразие.

Воздействие русской и украинской классической литературы и передовой общественной мысли на Жинзифова можно видеть и в том, что она ему помогает нащупать пульс времени, отразить требования и стремления народа. Автор „Кровавой рубашки“ постепенно осваивает идейный и художественный опыт своих русских и украинских учителей и начинает сам искать не только новые идеи, темы, но и новые формы изображения жизни и текущих проблем времени.

Жинзифова сближал с поэзией передовых романтических, демократических и революционно настроенных русских и украинских поэтов их протест против всяких форм угнетения и неудовлетворенность жизнью. Темы и идеи их стихотворений отвечают настроениям и потребностям также его внутреннего мира. Их влияние на его творчество служит главным образом стимулом духовного роста и развития Жинзифова. Поэт действительно заимствует, берет отдельные темы и мотивы, даже отдельные поэтические строки и выражения. Они у него, однако, получают новое смысловое и художественное содержание, совершенно самостоятельную художественную концепцию. Содержание его стихотворений всегда тесно связано со злободневными вопросами национально-совободительного движения на Балканах. Так, напр., его стихотворение „Мслитва“ начинается теми же словами, как и одноименное стихотворение Лермонтова, что заставило П. Динкова включить это стихотворение в переводы Жинзифова. Сопоставление обоих стихотворений, однако, показывает, что речь не идет о переводе, ни о переводе-подражании. Тема лермонтовской „Молитвы“ совершенно другая, чем тема Жинзифова. Наш поэт откликается на современные события, говорит о „народных заступниках“, в то время как лирическая „мать божия“ Лермонтова хочет „вручить деву невинную теплой заступнице мира холодного“. Жинзифов выражает свои патриотические толнения, поэтому и кульминация обоих стихотворений совершенно разная.

Отметим, что такой подход, такое отношение Жинзифова характерно не только по отношению к Лермонтову, но и к поэзии Пушкина, Некрасова, Шевченко и др.

Поэзия Пушкина помогает ему бороться за славянское единство против западной пропаганды, укреплять сознание славянского происхождения

и принадлежности. И в случае стихотворения Пушкина „Не дай мне бог сойти с ума“ и стихотворения Жинзифова „Брату си“ мы имеем дело с аналогичным подходом. Жинзифов начинает словами Пушкина, но в дальнейшем развивает совершенно другую, противоположную идею и идет в этом случае дальше Пушкина. Это конкретный пример положительного воздействия поэзии Пушкина на собственное развитие Жинзифова как поэта. То же самое можно сказать и о других стихотворениях Пушкина, которые в той или другой мере воздействовали на Жинзифова.

Интересно и то, что Жинзифов иногда переносит поэзию Пушкина в другую социально-политическую среду (части стихотворения Пушкина „Клеветникам России“ в поэме „Гуслар в собор“). Разумеется, Жинзифов транспонирует стихи Пушкина, направленные против французских „клеветников России“, нацеливает их удары на юг, чтобы показать величие своего народа. Таким образом, поэзия Пушкина, переплавлена пером Жинзифова, действует на укрепление самосознания македонского и болгарского народов.

Н. А. Некрасов стал после смерти Пушкина и Лермонтова самым выдающимся русским поэтом. Поэтическое мастерство, общественная направленность его поэзии, глубина чувства и сила революционной мысли, ее влияние на народ даже превосходят поэзию его предшественников.

Райко Жинзифов усваивает постепенно разнообразные тематические, рифмовые и формальные приемы Некрасова и выбирает из его поэзии такие темы и мотивы, которые созвучны и близки его поэтической натуре. Автор „Гуслара в соборе“ первый в македонской и болгарской литературе 60-х годов прошлого века по примеру Некрасова выводит образ „лишнего человека“ особого типа (стихотворение „Сам себе си“). На основе особого „пересказа“ стихотворения Некрасова „Я за то глубоко презираю себя“ он стремится вывести образ самого себя, со всеми своими душевными переживаниями. Это не человек с „неизгладимой печатью бездельничества, дармоедства и совершенной ненужности на свете“ (Добролюбов), а настоящий патриот, человек большой мечты, чувствующий себя в одиночестве далеко от родины, часто осознающий невозможность выполнить свой долг перед народом.

Некрасов дает Жинзифову толчок, импульс и стихотворением „В полном разгаре страда деревенская“. В нем развивается мотив страданий русской женщины-жницы, ее переживания, типичные для русской крестьянки того времени. Некрасов наводит Жинзифова на тематику женской доли, в результате возникает стихотворение „До българската майка“ („До майка ми“). Здесь следует говорить не о пересказе, а о самостоятельной обработке подсказанной Некрасовым темы матери. У Жинзифова образ некрасовской матери, переплавленный в поэтическом воображении поэта, выливается в образ родного края. Таким образом, некрасовский образ матери оказывает воздействие в другой национальной среде, но с подобными условиями жизни. Жинзифов учится у Некрасова стихосложению и таким образом развивает и укрепляет силлабо-тоническую систему стихосложения в македонской и болгарской литературе. Трехсложный дактилический размер, гармонируя с содержанием, усиливает картину страданий. Автор стихотворения „До българската майка“ хорошо почувствовал взволно-

ванную дикцию стихотворения Некрасова и стремится применить ее в своем стихотворении.

Небезынтересен и тот факт, что Жинзифов обращается к поэзии Некрасова даже тогда, когда славянофилы критиковали Некрасова за правдивое изображение деревенской жизни. Хотя Жинзифов был близок Ивану Аксакову и сотрудничал в его газетах, не обращается тем не менее к его поэзии. Это можно объяснить только тем, что славянофилы требовали идиллического изображения деревенской жизни. Явно, что эстетические взгляды Жинзифова, взгляды о роли литературы, были противоположны взглядам славянофилов и были близки эстетике революционных демократов.

Из сказанного об отношении Жинзифова к поэтическому творчеству Некрасова можно заключить, что он учится у Некрасова творческим способом. Гражданский пафос, глубокое сочувствие к женщине — матери, сообщает развитию нашего поэта правильное направление, расширяет круг его тематики и укрепляет его любовь к народу.

Рядом с Некрасовым любимейшим поэтом Жинзифова является Т. Г. Шевченко. Поэзия Шевченко привлекала в прошлом столетии внимание и других балканских славянских писателей эпохи возрождения. Причины любви болгарских писателей (напр., Л. Каравелова, П. Р. Славейкова и др.) к творчеству Тараса Шевченко анализировал уже И. Д. Шишманов. Популяризации поэзии Шевченко среди балканских славян и сближению Жинзифова с его поэзией содействовали прежде всего идеи патриотизма Шевченко, народность его поэзии, любовь к своему украинскому народу. Шевченко, как и Жинзифов, обращается к прошлому, желая оказать влияние на настоящее народа. Их романтическое увлечение историческими событиями, их любовь к родной стране и к фольклору способствует их сближению с народом и является орудием укрепления самосознания народа. Мелодичность, простота, глубокое народное содержание поэзии Шевченко были близки вкусу Жинзифова.

Райко Жинзифову принадлежит первое место среди переводчиков поэзии Шевченко в болгарской и македонской литературе. Своими переводами (которыми в нашей работе подробно не занимаемся) он подготовил почву для дальнейшей переводческой деятельности в Болгарии и Македонии.

Без сомнения, популяризация произведений Шевченко в России, главным образом до сих пор не утратившие художественной ценности переводы Н. В. Гербеля на русский язык, тоже воздействовали на Жинзифова, на его обращение к поэзии украинского поэта („Кобзарь Т. Г. Шевченко в переводе русских поэтов“, изданный Гербелем в 1860 году, получил высокую оценку Добролюбова.)

Жинзифов вдохновлялся поэзией Шевченко всю свою жизнь. Он хотел, подобно украинскому поэту, быть выразителем страданий народа, его коллективной душой. Жинзифову, несомненно, импонирует его активное участие в антикрепостническом, антицаристском обществе, считавшем своими покровителями славянских просветителей из Македонии Кирилла и Мефодия.

Самобытность, глубоко народный характер, непосредственность его

творчества, его любовь к славянам и общечеловеческой правде, демократизм и патриотизм привлекли внимание не только Жинзифова. Шишманов высоко оценил симпатии Шевченко к сельским массам, его борьбу за их интересы и права. И наш поэт нераз выводит в своей поэзии образ крестьянина, македонского селянина-пахаря. На Жинзифова, связавшего все свое творчество с национально-освободительным движением народа, естественно, повлияло творчество Т. Г. Шевченко: на его взгляды, на идеи и содержание его собственного творчества и больше всего на форму его стихов. Поэзия Шевченко привлекала внимание Жинзифова простотой стиха, близкого народной песне, из которой вышел Жинзифов в своей поэзии. Переводчик стремился усвоить также ритмику, особенно трехстопный и четырехстопный хорей. С ним мы встречаемся в большой и выразительной мере в „Кривавой рубашке“, где Жинзифов как будто бы хочет дать синтез своих знаний по стихосложению. Он не подражает Шевченко, а творчески учится у него лучше изображать действительность, показывать в своей поэзии существенные стороны освободительного движения на Балканах, черты исторического процесса. Он учится у Шевченко искусству поэтического выражения. Это отнюдь не говорит о какой-то зависимости поэзии Жинзифова от творчества Шевченко, а, наоборот, только о любви нашего поэта к автору прекрасного „Кобзаря“.

Свои переводы из поэзии Шевченко Жинзифов считает составной частью своей борьбы за народное дело. По примеру его певца Перебенди, который является не только выразителем мыслей и чувств народа, а также борцом против социального гнета, Жинзифов выводит образ народного рапсода-гусляра.

Райко Жинзифов в своем „Новоболгарском сборнике“ опубликовал вместе с переводами из поэзии Шевченко и „Краледворской рукописи“ также перевод знаменитого „Слова о полку Игореве“.

Являясь первым переводчиком этого шедевра древнерусской литературы, Жинзифов стремился показать, открыть болгарскому и македонскому читателю величие и древность русской литературы. „Слово о полку Игореве“ привлекло внимание нашего поэта своими высокими художественными качествами, своей близостью к народному поэтическому творчеству, своей идеей единства, призывом к сплоченности всех сил против чужеземных захватчиков.

Следовательно, „Слово о полку Игореве“ является для Жинзифова мощным средством пробуждения своего народа, призывом к объединению в борьбе против турок. Также „Слово о полку Игореве“ оказало воздействие на собственное поэтическое творчество его первого переводчика на болгаро-македонский язык особого типа. И прежде всего на образ народного певца-гусляра. В этом образе мы видим синтез „вещего Бояна“ и „кобзаря“ Шевченко.

Под воздействием „Слова о полку Игореве“ даны и некоторые пейзажи — порывы ветра, горы, долины и т. д. Оно благоприятно воздействовало на творчество Жинзифова своей тематикой и патриотическим пафосом.

Таким образом, Райко Жинзифов продолжает не только традиции болгарской и македонской литературы, а до известной степени и традиции передовой русской поэзии; под ее воздействием он укрепляет свое отно-

шение к действительности, формируется как поэт, демократ и патриот.

В отношении жизни и творчества Райко Жинзифова остается еще много вопросов, до сих пор не затронутых историками литературы или требующих нового толкования, напр., идеология Жинзифова, Жинзифов и славянофилы, Жинзифов как переводчик со славянских языков, Жинзифов как литературный историк и др. Задача историков литературы — бросить „новый луч света“ на творчество Райко Жинзифова в целом.